

БУКВАЛЬНАЯ И РЕАЛЬНАЯ РАВНОЗНАЧНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

М. Ф. ВИНОГРАДОВ

Признание особого и важного места прагматических факторов в современных лингвистических исследованиях расширило и дополнило наше представление о целом ряде языковых категорий и понятий, привело к их интерпретации, несколько отличной от той, которая была распространена, когда прагматика рассматривалась как маргинальный компонент при анализе языка. Это в полной мере относится к анализу семантической эквивалентности (СЭ), или равнозначности предложений в естественном языке.

Характер и природа СЭ предложений во многом определяются тем, как понимается смысл (значение) предложения и как этот смысл устанавливается. Представление о смысле предложения в самое последнее время как о логической структуре (Дж. Лакофф), речевом акте (Дж. Серль) и т. д., его выявление с помощью фреймов (Ч. Филлмор), аппарат ситуационной семантики (Дж. Барвайс, Дж. Перри) и т. д., немислимы без обращения к языковой прагматике, наглядно свидетельствуют о тесной связи и зависимости равнозначности предложений от прагматических факторов.

Статус прагматики в содержательной структуре предложения — это по существу вопрос о взаимоотношении в нем пропозиции и субъективного фактора, что представляет собой один из аспектов вечной проблемы языкознания — антиномию лингвистического и экстралингвистического в содержании языкового знака.

Мнение ученых относительно отношения прагматики к содержательной структуре предложения неоднозначно. Одни исследователи полагают, что прагматика и семантика предложения представляют собой его разные стороны и к значению предложения относится только его пропозиция [Hintikka, 1974]. Другие, не отрицая различной природы семантических и прагматических факторов, стремятся соединить их при анализе содержательной структуры предложения на основе учета контекста, в котором предложение употребляется — на основе так называемой „контекстуальной адаптации языкового значения“ [Allwood, 1981]. Например, Р. Познер считает, что разграничение семантики и прагматики аналогично разграничению значения и употребления слова в речи [Posner, 1980]; Д. Вундерлих придерживается мнения, что семантика изучает буквальное значение предложения, его смысл в нейтральном контексте, а прагматика — значение предложения в обогащен-

ном, т. е. содержащем пресуппозиции, контексте [Wunderlich, 1980]. Третьи вообще допускают возможность включения прагматических факторов в семантику предложения, правда, делая это по разным причинам и по-разному интерпретируя природу и характер самих прагматических факторов. Если Дж. Катц, разграничивая семантическое содержание предложения (информацию в „нулевом контексте“) и значение высказывания (значение употребленного предложения, которое во многом определяется контекстом ситуации), относит к семантике предложения информацию об иллокутивных силах [Katz, 1977], то Р. Шэнк, Л. Бирнбаум, Дж. Мей вообще не видят принципиальной разницы между семантикой и прагматикой, рассматривая семантику как часть прагматики [Schank, Birnbaum, Mey, 1985].

Несмотря на различные точки зрения на характер прагматики и семантики, отношение прагматики к семантической структуре предложения, многие ученые в настоящее время не отрицают определенной связи между ними при интерпретации значения предложения. Такая связь проявляется двояко. Во-первых, признавая различный характер семантики и прагматики, целый ряд исследователей признает между ними определенную зависимость. Так, иллокутивные силы, не входя в семантическую структуру предложения, относятся к уровню социальной интеракции, на котором образуется коммуникативный смысл, определенным образом связаны с пропозицией предложения: конкретные пропозициональные типы высказывания систематически соотносятся с конкретными типами иллокуционных сил (выражение „просьбы“ имеет определенную грамматическую структуру, принадлежит к общей категории „просьбы“, которая наполняется конкретным содержанием в речи, и т. д.) [Bierwisch, 1980]. Во-вторых, некоторая часть внеязыкового опыта может не только каким-то образом (даже имплицитно) отражаться в языковой структуре предложения, но и семантизироваться в ней [Lakoff, 1971; Звегинцев, 1976, с. 236–238]. Например, слово *едва* в предложении *Я едва не убил его* позволяет интерпретировать это предложение как „Я стрелял, но промахнулся“, „Я ранил его, но он поправился“, „Я его смертельно ранил, и он сейчас в таком состоянии“.

Учет прагматических факторов при анализе содержания предложения привел к выделению в нем двух уровней смысла – буквального и реального, которые прямо связаны с интерпретацией СЗ предложений. Предложения типа *Он был в Лондоне* и *Она утверждает, что он был в Лондоне* в современной теории речевых актов не считаются эквивалентными на уровне буквального смысла, так как имеют различные условия истинности: первое предложение справедливо, если „он“ действительно был в Лондоне, второе – если говорящий думает, что „он“ был в Лондоне. На уровне реального (коммуникативного) смысла эти различия нейтрализуются, потому что в обоих высказываниях содержится информация о том, что „он был в Лондоне“ [Grice, 1975; Katz, 1977]. Как видно, современная трактовка равнозначности предложений дан-

ного типа отличается от ее более ранней интерпретации, предложенной Дж. Остином, который рассматривал такие предложения как изначально эквивалентные [Austin, 1962].

Между тем существующее понятие о буквальном и реальном смысле не дает исчерпывающего представления о СЗ предложений. Использование понятий значения и смысла Г. Фреге, аналитической и синтетической истины, модусов обозначения, некоторые аспекты которых в общем-то в имплицитной форме содержатся в современном понимании реального и буквального смысла предложений, могут, на наш взгляд, значительно расширить наше представление о СЗ предложений. Анализ конкретных примеров, который следует ниже, должен подтвердить данное положение.

1. Он преодолел планку в прыжках с шестом на высоте 6 м.

Его прыжок с шестом равен 6 м.

На уровне буквального значения предложения вследствие некоторых лексических и структурных несовпадений различаются, но концептуально они идентичны, так как выражают один и тот же смысл. Синтетически предложения истинны, так как описываемые в них факты соответствуют действительности — высота в 6 м преодолевалась в прыжках с шестом.

2. Он преодолел планку в прыжках с шестом на высоте 6 м.

Она сказала, что его прыжок с шестом равен 6 м.

Все свойства предложений предыдущей пары присущи и данной паре. Однако в отличие от первой пары во второй паре предложения даны в разных модусах обозначения: предметном и смысловом. Используя терминологию теории речевых актов, можно констатировать, что предложения в данном примере различаются на уровне буквального смысла, но одинаковы на уровне реального (коммуникативного) смысла, т. е. разные модусы обозначения позволяют двойко интерпретировать понятие синтетической истины, которая зависит от говорящего субъекта.

3. Его прыжок с шестом равен 6 м.

Она сказала, что его прыжок с шестом равен 6 м.

В отличие от предложений во втором примере предложения в третьем примере идентичны с точки зрения их буквального значения.

4. Он преодолел планку в прыжках с шестом на высоте 8 м.

Его прыжок с шестом равен 8 м.

Предложения в четвертом примере отличаются от предложений в первом примере тем, что они синтетически ложны: никто еще в мире не преодолевал в прыжках с шестом высоту в 8 м.

5. Он преодолел планку в прыжках с шестом на высоте 8 м.

Она сказала, что его прыжок с шестом равен 8 м.

В отличие от всех пар предложений, которые были даны выше в разных модусах обозначения, предложения в пятом примере синтетически ложны в буквальном смысле: еще никто не преодолевал в прыжках с шестом высоту в 8 м. Однако второе предложение может рассмат-

риваться как истинное, если говорящий думает, что такая высота покорялась человеку.

6. Он преодолел планку в прыжках с шестом на высоте 6 м 3 см.

Его прыжок с шестом равен 6 м 3 см.

Он установил мировой рекорд в прыжках с шестом.

Предложения в шестом примере различаются буквально по значению и по смыслу. Но на уровне реального смысла предложения эквивалентны, так как отражают действительное положение в мире спортивных достижений — мировой рекорд в прыжках с шестом (на июнь 1989 г.) действительно равен 6 м 3 см. Синтетическая истина в данном случае соотносена с фактом действительности, а не с представлением о ней говорящего субъекта (его знаниями), как во втором примере.

7. Он установил мировой рекорд в прыжках с шестом.

Она сказала, что его прыжок с шестом равен 6 м 3 см.

В отличие от предложений в шестом примере в седьмой паре предложения будут эквивалентными на уровне реального смысла, если говорящий знает, что мировой рекорд в прыжках с шестом равен 6 м 3 см.

8. Он установил мировой рекорд в прыжках с шестом.

Она сказала, что его прыжок с шестом равен 8 м.

Предложения в восьмом примере не являются эквивалентными, если их синтетическая истина соотносена с фактом действительности. Однако, если говорящий полагает, что мировой рекорд в прыжках с шестом равен 8 м, т. е. синтетическая истина соотносена с субъективными знаниями говорящего о мире, то данные предложения могут рассматриваться как эквивалентные на уровне коммуникативного смысла.

Проведенный анализ примеров позволяет сделать некоторые выводы и обобщения относительно природы и характера буквального и реального смысла, их места и роли при интерпретации СЗ предложений.

Понятие буквального и реального смысла по отношению к равнозначности предложений двойственно. Буквальный смысл, связанный с аналитической истиной, представляет собой лексическое или концептуальное содержание предложения. В данном случае противопоставляются предложение, значение которого интерпретируется как сумма составляющих его лексических единиц, и высказывание, которое рассматривается как перифраза одного и того же понятия, способного иметь множественное выражение.

Понятие реального (коммуникативного) смысла, основывающегося на синтетической истине, также неоднородно. Такой смысл может быть фактуальным, т. е. зависеть от реального положения вещей в действительности, или социальным, т. е. определяться знаниями субъектов (коммуникантов) о мире.

Сложность понятий реального и буквального смыслов, состоящих из нескольких компонентов, позволяет заменить привативную оппозицию „прагматика—семантика“ по отношению к содержанию предложений оппозицией градуальной „буквальное значение предложения“

(денотативный уровень высказывания) „буквальный смысл предложения“ (сигнификативный уровень высказывания) „реальный фактуальный смысл предложения“ (речевой акт в предметном модусе обозначения) „реальный социальный смысл предложения“ (речевой акт в смысловом модусе обозначения, когда его смысл может соответствовать или противоречить фактуальному смыслу предложения).

Градуальная оппозиция отчасти отражает отсхождение прагматических факторов к значению предложения. Она показывает, что по отношению к СЗ предлосный вопрос заключается даже не в том, входят ли прагматические факторы в значение предложения до или после их семантизации, а в том, какие прагматические факторы должны учитываться при анализе равнозначности предложений, потому что целый ряд таких факторов, оставаясь за пределами значения предложений (высказываний), влияет на их СЗ. Из этого следует, что при анализе равнозначности предложений необходимо пользоваться двумя понятиями: семантической структурой предложения, соответствующей его пропозиции в широком смысле, включающей семантизированные прагматические факторы, и содержательной структурой предложения, которая шире первой, так как охватывает еще множество факторов внеречевого характера, относящихся к сфере социальной интеракции.

СЗ предложений может основываться на свойствах любого компонента данной градуальной оппозиции. Существование предложений с эквивалентным лексическим составом практически нереально, хотя теоретически такая возможность допустима. В то же время неприменимым условием такой эквивалентности является то, что равнозначность, основывающаяся на любом компоненте этой оппозиции, предполагает учет свойств всех компонентов оппозиции, находящихся от него слева.

Различные комбинации четырех компонентов градуальной оппозиции дают различные типы и виды равнозначности предложений: восемь пар, приведенных выше предложений, иллюстрируют такую возможность. Однако типы и виды СЗ предложений не исчерпываются только данными парами. Само понятие градуальности предполагает, в принципе, их неограниченное число. Например, признак фактуальности допускает градацию в зависимости от знаний коммуникантов о мире, которые могут быть энциклопедическими (логическими) или житейскими (наивными), завися от уровня их образования, жизненного опыта и т. д.

Использование базисных категорий и понятий логики (модусов обозначения, аналитической и синтетической истины, значения и смысла) дает возможность не только лучше понять семантические отношения между предложениями, но и выявить некоторую специфику лингвистической равнозначности по сравнению с логической: лингвистическая равнозначность по своему характеру естественна, т. е. может основываться на ложном представлении о мире, неполных знаниях коммуникантов о денотатах (сигнификатах), которые описываются предложениями. Такое возможно потому, что главным при общении

на естественном языке является взаимопонимание коммуникантов, а не логические отношения в действительности.

SURFACE AND COMMUNICATIVE SENTENCE EQUIVALENCE

M. VINOGRADOV

Summary

The paper is aimed at showing that the conceptions of surface and communicative meanings employed in current sentence analysis are more complex and heterogeneous than we used to think.

Interpretation of surface and communicative meanings as complex entities makes it possible to see the hierarchy of semantic components in the sentence meaning, dependence of sentence proposition upon some factors of social interaction and on this basis to establish various types of sentence equivalence.

ЛИТЕРАТУРА

Звегинцев, 1976 — Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: МГУ, 1976.

Allwood, 1981 — Allwood J. On the distinctions between semantics and pragmatics // *Crossing the boundaries in linguistics*. Dordrecht etc., 1981.

Austin, 1962 — Austin J. L. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon press, 1962.

Bierwisch, 1980 — Bierwisch M. Semantic structure and illocutionary force // *Speech act theory and pragmatics*. Dordrecht etc., 1980.

Grice, 1975 — Grice H. P. *Logic and conversation* // *Syntax and semantics*. New-York etc., 1975. Vol. 3.

Hintikka, 1974 — Hintikka J. *Semantics for propositional attitudes* // *Logic and philosophy for linguistics*. The Hague-Paris, 1974.

Katz, 1977 — Katz J. J. *Propositional structure and illocutionary force* // *A study of the contribution of sentence meaning to speech acts*. New-York: Crowell, 1977.

Lakoff, 1971 — Lakoff G. *On generative semantics* // *Semantics. An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology* / Ed. by D. D. Steiberg and L. A. Jakobovits. Camb. univ. press, 1971.

Posner, 1980 — Posner R. *Semantics and pragmatics of sentence connectives in natural language* // *Speech act theory and pragmatics*. Dordrecht etc., 1980.

Schank, Birkbaum, Mey, 1985 — Schank R., Birkbaum L., Mey J. *Integrating semantics and pragmatics* // *Quaestiones de semantica*, 1985. Vol. VI, N 2.

Wunderlich, 1980 — Wunderlich D. *Methodological remarks on speech act theory* // *Speech act theory and pragmatics*. Dordrecht etc., 1980.

Вильнюсский университет
Каунасский гуманитарный факультет
Кафедра иностранных языков

Декабрь, 1989